

Отзыв официального оппонента

на диссертацию

Анны Глебовны Гродецкой

«Проза И. А. Гончарова: 1830-1860-е (биографика, контекст, поэтика)»,
представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.01.01 – русская литература

Диссертация А. Г. Гродецкой — глубокое, в научном плане в высшей степени ценное и очень современное исследование. Подзаголовок (биографика, контекст, поэтика) свидетельствует о широте охвата материала и настраивает на разновекторное движение исследовательской мысли. В поле зрения автора — почти все творчество Гончарова, от ранних, допечатных опытов, публикаций в рукописных журналах семьи Майковых до «Обрыва».

Каковы главные векторы научного поиска А. Г. Гродецкой? Проблемы, о которых идет речь в диссертации, разномасштабны, разнообразны по степени изученности: о некоторых из них писали, и не раз, а во многих случаях автор работы выступает как первопроходец. Надо отметить, что многие разыскания, наблюдения, идеи, представленные в диссертации, уже вошли в научный оборот. Речь о многочисленных публикациях А. Г. Гродецкой и о ее участии в подготовке томов Полного собрания сочинений И. А. Гончарова.

Задачи, которые ставит перед собой автор, представляются не просто важными, а очень актуальными для сегодняшней науки о Гончарове. Вот об этом прежде всего и речь.

Не вызывает никаких сомнений основополагающий тезис первой главы работы: начало творческого становления писателя Гончарова связано с феноменом особого содружества, «домом Майковых», домом, по выражению П. А. Плетнева, «фамилии талантов». Без этого майковского контекста невозможна интерпретации ранних опытов автора «Обломова». Особо ценно то, что А. Г. Гродецкой в произведениях этого периода удалось выявить элементы поэтики, которые присутствуют, конечно, с более высоким художественным эффектом, в его классических вещах. Так, в ранних повестях («Лихая болезнь» и «Счастливая ошибка») обнаруживаются обе архетипические сюжетные модели — кумулятивная и циклическая, которые очень значимы и для зрелой прозы Гончарова. В научном плане в высшей степени продуктивной может быть попытка проследить, как сосуществуют эти сюжетные модели, например, в книге

«Фрегат “Паллада”». Исследование А. Г. Гродецкой помогает освободиться от инерции в восприятии ранних опытов Гончарова. Например, на этом этапе творчества будущий создатель Обломова прошел «через искушение фельетонной прозой Сенковского» (с. 52). Этот обозначенный Гродецкой «сюжет» нуждается в дальнейшей разработке.

Сколько было сказано об антиромантической направленности этих повестей и о том, что их следует прочитывать как пародии. Автор диссертации показывает: интенция в этих повестях не является антиромантической. А «Счастливая ошибка» не прочитывается как пародия, наиболее корректно ее можно интерпретировать, опираясь на концепцию Ю. Н. Тынянова о «пародичности».

Знаменитым романам Гончарова предшествуют повести, психологизм которых, как показано в диссертации, более описателен, чем аналитичен. Опираясь на эти выводы, можно размышлять, в чем проявилось новое искусство психологизма в «Обыкновенной истории», так поразившей современников.

В первой главе очень содержательной представляется часть, посвященная Владимиру Андреевичу Солоницыну, редактору рукописных изданий майковского «дома», соредактору О. И. Сенковского по «Библиотеке для чтения». И не только потому, что он в какой-то степени может рассматриваться как прототип Адуева-старшего и Штольца, что позволяет уточнить некоторые принципы и приемы гончаровской характерологии. Но кроме того, Солоницын предстает как яркий, самобытный персонаж «сюжета жизни» 1830—1840-х годов, человек, «любящий труд до самозабвения», как персонаж очень важный для характеристики русского общества этого периода. Убежден, Владимира Андреевича Солоницына необходимо включить в университетский спецкурс «Люди 1840-х годов в жизни и в литературе».

Опираясь на наблюдения и выводы А. Г. Гродецкой, творчество Гончарова можно рассматривать как парадигму, структура которой держится на множественных константных элементах, авторефлексиях, возвращениях к исконным сюжетным моделям. Один из приведенных автором исследования примеров: герой «очерков» «Иван Савич Поджабрин», постоянно меняющий квартиры, с легкостью совершает именно то, что будет «фатально невозможно» для Ильи Ильича (с.101). Несомненно, «инtratекстуальные оппозитивности», «реликтовые сюжетные модели» могут быть выявлены и в других зрелых произведениях Гончарова.

Отдельная научная проблема — эпистолярный писателя. Гончаров признавался, что еще в ранние годы в нем пробудилась страсть писать, «особенно письма». В «Необыкновенной истории» он далее сказал об этом так: «Я сажусь, как музыкант за

фортепиано и начинаю фантазировать, мыслить, ощущать, словом, жить легко, скоро и своеобразно». Сохранившиеся письма майковского периода (речь о домашней газете «Сплетня», которая выходила в 1842-м году), дают основания рассматривать эти гончаровские страницы как образцы эпистолярной прозы. Можно видеть, как личное послание Ивана Александровича превращается в прозу Гончарова. Как показано в диссертации, в этих ранних письмах «возникает то диалогизированное слово и тот игровой диалог с адресатом, в котором последний заранее подготовлен к восприятию известной условности текста и чувствует грань между серьезностью и иронией» (с. 103). Эта очень точная характеристика, развитие именно этих особенностей эпистолярной прозы Гончарова приведет к блестящим результатам в книге «Фрегат “Паллада”».

Вторая глава диссертации посвящена роману «Обломов». Речь идет о семантике и функциях историко-культурных реалий. В частности, о проблеме текстового времени. Проблема хронотопа второго гончаровского романа давно находится в поле зрения исследователей, но нельзя сказать, что она исчерпывающе осмыслена. Ее очень резко и точно обозначил в свое время Стефан Цвейг: «Несколько затемняющих штрихов — и перед нами животное, которое бесцельно влачит жалкое существование. <...> Несколько углубляющих мотиваций, и Обломов стал бы редкостным философом, стойком. <...> Но Обломов не животное и не философ: он в глубине своей души поэт. В своих живых мечтах он самый деятельный из всех людей, герой мировой истории, превращающий миры в развалины и созидающий на их месте новые...». Илья Ильич ведет параллельные существования в нескольких временных планах: в Петербурге, на Гороховой улице, в мире своего детства, в своих мечтах, когда будет «вечное лето», и в своих фантазиях, когда мысль его свободно кочует по векам и континентам. Романский сюжет не может, так сказать, не учитывать эту особенность героя. Это мы должны помнить, следя за размышлениями автора диссертации. «Специфическая темпоральная организация, — пишет А. Г. Гродецкая, — составляет одну из важнейших особенностей гончаровского романа». Это подтверждается размышлениями о конкретных романских реалиях. Так, начало романного действия приурочено к точной календарной дате — 1 мая 1843 года. Но эта дата важна для комментатора и читателя, а в сюжетном плане она семантически нейтральна. «Для развития сюжета, — говорится в работе, — актуальна *весна* как начало сезонного цикла и символический повод к пробуждению Обломова — повод, героем не реализованный» (с.141). Также, например, несущественной для собственной авторской интенции оказывается такая временная

подробность: герои романа используют ассигнации, замененные кредитными билетами к 1-му января 1848-ого года. Эти и другие наблюдения позволили автору работы сделать важный вывод: «Большинство исторических реалий <...> либо даются как явления устоявшиеся, повторяющиеся, ритуализованные, непривязанные к конкретным датам и событиям, либо как явления хронологически не конкретизированные» (с. 142). Как давно замечено, в отличие от тургеневских романов, точные даты не могут быть столь значимы у автора «Обломова». Автор диссертации убедительно показывает, как осуществляется «деисторизация сюжетных событий».

Некто Л. Н. Антропов, автор ругательной рецензии на «Обрыв», вызвавшей, кстати, резкое возмущение К. Леонтьева, в связи с Марком Волоховым достаточно категорически заявил в 1869-ом году: «Нигилизм уже умер, и если тревожит порою живых, то — только как покойник, еще не вынесенный из дому». Как же воспринимался нигилизм в 60—70-е годы в России? И что взгляд из нашего времени на нигилизм может прояснить в третьем романе Гончарова? Независимо от того, относить или не относить «Обрыв» к антинигилистическим романам (есть сторонники и той, и другой точки зрения) вопрос о нигилизме Волохова сохраняет свою проблемность.

В диссертации (речь о третьей главе) представлен проблемно-информативно очень насыщенный раздел о проявлениях нигилизма и рефлексиях на него в России: Катков, Герцен, Лесков, Достоевский. Н. Страхов и другие. Поразительное разнообразие взглядов и интерпретаций! С точки зрения Герцена, нигилизм «выражает переходную форму болезни нашего развития из прежнего застоя». А для Н. Стрехова нигилизм — это «грех трансцендентальный, грех человеческой гордыни» (с. 223). Может показаться, что на этом гигантском поле литературно-политических штудий и философско-исторических рефлексий трудно найти ракурс, позволяющий рассмотреть и охарактеризовать литературный образ. Фон слишком широк, фигура гончаровского нигилиста не сможет проступить на нем достаточно рельефно. Но это не так. Усилия автора диссертации потому и плодотворны, что именно такой широкий захват материала позволяет по-новому взглянуть на давнюю проблему. С опорой на текст романа и высказывания самого автора А. Г. Гродецкий рассматривает образ Волохова как синтез типического (исторически обусловленного) и сверхтипического (вневременного, всечеловеческого). Да, нигилизм волоховского типа может проявляться в разные времена, на разных уровнях социальной жизни, в нем есть болезненное начало, поскольку это касается семьи, но, по словам Гончарова, «разумное, мыслящее большинство» не поддастся этой заразе. С точки зрения автора

«Обрыва», нигилизм по Волохову, в масштабах русской жизни — мелкое явление. Текст диссертации убеждает, нигилизм гончаровского героя — это явление другого масштаба, нежели тот, что подразумевает так ярко представленный в диссертации фон. Напомним, что ведь одна из главных претензий Салтыкова-Щедрина к роману «Обрыв», точнее к главе, в которой идет речь о Марке, заключалась в том, что Волохов слишком мелок. Не так, по мысли автора рецензии, надо изображать «нового человека». «Допустим заранее, — пишет Салтыков-Щедрин, — что все что ни предпринимает этот новый человек, есть ложь, но эта ложь грандиозная, ложь, о которой стоит говорить, против которой не стыдно бороться <...> А нам представляют мелких ворюшек платков и приглашают видеть в них демонов-искусителей и опасных новаторов...». Теперь, говоря о Марке, нельзя не учитывать итог этого раздела диссертации: «Катастрофических социально-исторических предзнаменований в русском нигилизме Гончаров не видел и представления о фатальном национальном зле в свою концепцию нигилизма в последнем романе не вложил» (с. 210).

В речи гончаровского повествователя обычно очень трудно выявить тот словесный ряд, с которым могут быть напрямую связаны авторские интенции. А. Г. Гродецкая выделяет «колеблющееся», «двоящееся» авторское отношение к персонажу, «не просто не сводимое к однозначности, но допускающее противоположные ракурсы, а вместе с авторским — и отношение читательское» (с. 246). Речь идет о «загадке» Гончарова, о той особенности его прозы, которая часто вызывала у современников или недоумение, или даже резкую неприязнь. «Русский читатель, — пишет А. Г. Гродецкая, имея в виду и профессиональных критиков, — воспитан на суждениях резких, порой резких до крайности, и к умеренности, как правило нетерпим» (с. 248). С особой нетерпимостью относилась к гончаровскому бесстрастию радикальная критика. Один из крупнейших критиков эпохи — Н. Г. Чернышевский считал, что Гончаров «не понимал смысла картин, которые изображал». У этого, на первый взгляд, «недоразумения» надо увидеть не только идеологические, а прежде всего эстетические основания. Что в работе блестяще продемонстрировано на материале различных текстов автора «Что делать?».

В диссертации выявлены и проанализированы важные особенности гончаровского романного искусства: некоторые приемы повествования (пародичное цитирование), композиционно-конструктивные особенности его романов (фабульные и образные «симметризмы»), диффузность стиля, связанная с диффузностью жанра. Этот параграф логично завершает вывод: «Спасая от нравоучительности, от пафоса,

публицистического и любого иного, в не меньшей мере спасая от идиллического умиления нравописанием и “рисованием” жизни, автоирония — как анестезия — обеспечивает Гончарову благодатную и трудную срединность, трудную и благодатную авторскую объективность» (с. 255). Об объективности Гончарова пишут более полутора веков. Усилия автора диссертации направлены на то, чтобы показать, какие особенности словесного искусства писателя обуславливают это качество его прозы. Говоря, может быть о самом важном компоненте гончаровской прозы, А. Г. Гродецкая употребляет термин ирония. Имеется ввиду и самоирония романиста и повествовательная ирония: «Когда легкая, подчас едва уловимая ироническая или пародическая подсветка присутствует внутри авторского повествования, когда благодаря ей любая констатация не остается окончательной, когда оказывается неравным себе ни субъект, ни объект повествования» (с. 246).

Признавая точность и тонкость характеристики гончаровской прозы, отмечу, в чем для меня остается проблема. Как замечает сама А. Г. Гродецкая, «проблема в самом разноречивом понимании самой иронии» (с. 255). Для меня ирония — сигнал отъединенности внутреннего «я» от внешнего мира, когда «другой» выступает прежде всего как объект. По мнению автора диссертации, «пишущие о юморе Гончарова прежде всего отмечают его добродушие и мягкость» (с. 255). С этим утверждением трудно согласиться. Есть ли ирония у Гончарова? Конечно, есть. В письмах и статьях ирония во многом проясняет его позицию. Кстати, о признании, сделанном в статье «Лучше поздно, чем никогда», на котором останавливается А. Г. Гродецкая. Гончаров пишет: «А если художник сам глубок, то в них (в художественных образах — М. О.) проявляется и психологическая сторона. На глубину я не претендую, поспешаю заметить: и современная критика уже замечала печатно, что я неглубок». Здесь, как кажется, ирония точно присутствует.

Да, к константам поэтики гончаровской прозы нужно отнести «разного рода фабульные и образные “симметризмы”, рефрены, зеркальные ситуации, парные персонажные конструкции». Но надо ли эти особенности рассматривать как проявление автоиронии?

В своей книге «Писатель и книга. Очерк текстологии» Б. В. Томашевский подчеркивал, что особенно важна роль комментатора, когда у читателя не возникает вопроса, а «текст имеет смысл, воспринимаемый неверно». Сейчас речь об одном из, как сказано, «удивляющих мотивов» в романе «Обломов». Раздел, можно предположить, вырос из первоначальных комментаторских поисков и по мере

движения превратился в исследование, без которого теперь уже нельзя обойтись, если в поле нашего зрения четвертая часть романа «Обломов». Речь идет о «неслыханной» красавице Милитрисе Кирбитьевне, которая впервые упоминается в сне Обломова, и с которой потом сравнивается вдова Пшеницына. Неожиданность для исследователей романа в том, что во всех известных вариантах повести о Бове (рукописных, лубочных, сказочных) — это мужеубийца, классическая фольклорная «злодейка». Все это, как убедительно показала А. Г. Гродецкая, не позволяет однозначно интерпретировать образ «хозяйки» — Агафьи Матвеевны.

И в заключение. Высказанные в отзыве сомнения имеют частный характер. Совершенно очевиден высокий научный уровень работы А. Г. Гродецкой. Творчество Гончарова рассматривается в диссертации в связи с новыми и мало изученными материалами или в таких ракурсах, которые предполагают нестандартные, подкрепленные сегодняшней историко-теоретической мыслью решения.

Публикации и автореферат полностью отражают основные положения диссертации. Диссертационное исследование А. Г. Гродецкой «Проза И. А. Гончарова: 1830—1860-е (биографика, контекст, поэтика)» соответствует требованиям, предъявляемым ВАК РФ к диссертациям на соискание ученой степени доктора филологических наук (п. 9-10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842). Автор работы, А. Г. Гродецкая, безусловно, достойна искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 — «Русская литература».

М. В. Отрадин,

доктор филологических наук,
профессор кафедры истории русской литературы
ФГБОУ ВПО Санкт-Петербургский
государственный университет

Отрадин

Санкт-Петербург, ул. Шевченко, д. 17, кв. 210;
тел.: (812) 6818150; мб.: +7-911-2483647
leynina@mail.ru

15 сентября 2016 г.

ПОДПИСЬ РУКИ

Отрадин М.В.

УДОСТОВЕРЯЮ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ ГБОУ

ХОМУТСКАЯ Л. П.

«15» 09/16

Хомутская Л. П.

